

произведения успокаивает и настраивает на созерцательную задумчивость.

В этой композиции дан момент, где показывается пример служения старшего младшим: «большой должен быть слугою меньших».

Идея служения Русской земле была ведущей в ту эпоху и нашла свое отражение во всем духе нашего древнего летописания. Люди, способные на это служение, облакались народным доверием и были активной силой, воплощавшей в жизнь прогрессивные устремления и чаяния народных масс. Дмитрий Донской на Куликовом поле бился с татарами «в лице, став наперед». Многие говорили ему: «Господине княже великий, не стави ся наперед битися, но назади или на крыле, или инде в опришнем месте». На это он отвечал: «Да како аз възглаголю: братие моя, потягнем вкупе с единого, а сам лице свое почну крыти или хоронитися назади. Но яко же хошу словом, тако же и делом наперед всех и пред всеми главу свою положити за свою братью и за все христианы, да и прочии, то видевше, примут со усердием дерзновение».¹

Художник «Омовения ног» явно призывал зрителей пораздумать над удивительным поучением, что большой должен быть слугою всех. Сам не безразлично относясь к этой животрепещущей теме, он желал активно воздействовать на зрителей.

Обращаясь к другой композиции — к «Тайной вечере» (рис. 10), среди сидящих вокруг стола апостолов замечаешь в первую очередь стремительное и жадное, как у хищной птицы, движение Иуды (рис. 11). Сильно нагнувшись вперед, он протянул руку к чаше на столе. Все апостолы в сдержанном волнении, Христос произнес слова: «Один из вас предаст меня». Любимый ученик возлежит у него на груди и по просьбе Петра задает ему вопрос: «кто предатель?». Христос отвечает: тот, кто обмакнет вместе со мною в солило хлеб, тот предаст меня. Жест Иуды, таким образом, выдает в нем предателя. Его протянутая рука и фигура в темном одеянии резко выделяются на розовом фоне стола; за ним высятся ослепительно яркого холодного желтого цвета палаты с темным проемом и порталом, повторяющим изгиб спины Иуды. Завитки портала напоминают головы хищных птиц. Контрасты цветов производят впечатление напряженности и тревоги. Изображение портала, как бы повторяющее движение Иуды, усиливает характеристику жадности и хищности Иуды. Замечательно то, что лицо его юно и его, хотя и недобрая, красота поразительна. Рядом с ним сидит апостол в темном одеянии, у него курчавые волосы, характерное лицо человека сильной воли и большого темперамента. Он напряженно задумался, но весь его облик полон энергии; он смотрит вперед, и правая его рука делает жест в сторону Иуды, как бы желая остановить его движение. Линии, очерчивающие Иуду и этого апостола, настолько композиционно связаны друг с другом, что обе фигуры выделены из всех других. Невольно рождается вопрос: что скрыто за удивительной трактовкой этой темы, почему она так взволнованно жизненна и впечатляюща?

Надо помнить, что самым большим злом, тормозившим объединение Руси в XIV—XV веках, была внутренняя рознь. Летопись в ярком сопоставлении Олега Рязанского и Дмитрия Донского уже трактует эту злободневную для того времени тему, называя не раз Олега «Новым Иудой предателем на владыку своего бесящегося». Она страстно клеймит

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1380 годом, стр. 204.